

Н. А. Михальчук

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИИ ПРОСЬБЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

В статье рассматриваются смыслообразовательная нагрузка и стилистические функции не прямых высказываний – косвенных выражений интенции просьбы в художественном тексте на материале русскоязычных произведений Владимира Набокова.

The article discusses the potential of the meaning formation and stylistic functions of Indirect speech – an indirect expression of the intention of request in the literary text on the material of Russian-language works of Vladimir Nabokov.

Ключевые слова: Владимир Набоков, русский язык, не прямая коммуникация, косвенные речевые акты, интенция просьбы, позитивный этикет, негативный этикет, речевой этикет, речевое поведение персонажа, речевой портрет персонажа.

Key words: Vladimir Nabokov, Russian, indirect communication, indirect speech acts, intention request, positive etiquette negative etiquette, speech etiquette, verbal behavior of the character, the character's verbal portrait.

В произведениях В. Набокова косвенные речевые акты часто выступают в функции директивов, выражают побуждение и наиболее часто такой его вид, как просьбу.

Уже само обращение к побудительному речевому акту (директиву) содержит в себе противоречие с принципом вежливости. Косвенные директивы, согласно традиционной точке зрения, более вежливы, так как слушающему предоставляется возможность «выйти из игры» [3, с. 68]. Адресат предстает как контролер действий говорящего в его высказываниях, что повышает статус адресата по отношению к говорящему.

В.В. Дементьев аргументирует большую вежливость косвенных директивных речевых актов тем, что «обращение к такой форме (свойственной средствам НК) диктуется экстралингвистическими факторами и, прежде всего, – требованием вежливости: хотя бы формальная неопределенность, хотя бы теоретическая возможность двойного прочтения, согласно общественной конвенции, считается более вежливой, чем прямое воздействие. Можно сказать, что неопределенность присуща такому высказыванию с точки зрения наблюдателя («наадресата»)» [1, с. 214].

Две частотные диады, представляющие косвенную просьбу у Набокова, – это «сообщение – просьба» и «вопрос – просьба», напр.:

– *Я хотела бы с вами поговорить. Сидите, пожалуйста.*

– *Остался бы дома, – сказала она, когда Мартын с ней поравнялся, – ну, что тебе ехать...*

Скоро у него каникулы. Было бы желательно его отправить на морской шtrand. К сожалению, я сама не сумею поехать. Вы бы взялись?

В данных примерах наблюдаем переносное употребление сослагательного наклонения, характеризующееся конвенциональностью, стереотипизированностью. В первой реплике говорящий выражает желание, которое он имеет в момент речи, но в предикации с глаголом *хотеть* вместо изъявительного наклонения использует сослагательное. Во втором и третьем высказываниях побуждения к действию оформляются в косвенной форме: сослагательное наклонение используется в значении императива. Сослагательное наклонение в данных примерах выступает не в своем прямом значении показателя ирреальной модальности, а как средство повышения вежливости высказывания.

По утверждению И.Н. Кобозевой, нейтральная модальность, выражаемая сослагательным наклонением в первичной функции, противостоит утвердительности, свойственной реальной модальности изъявительного наклонения, потому выбор первой формы делает высказывание менее категоричным и увеличивает дистанцию между интенцией говорящего и адресатом [2].

Л.В. Фролкина выделяет конвенциональные средства непрямого воздействия: формы с *давай* и *давайте*, *пусть*, с глаголом первого лица множественного числа, напр.: *пойдем в холл, выпьем вино* и т. п. Подобные типизированные, устоявшиеся в употреблении носителей, общепринятые косвенные речевые акты просьбы широко использует и В. Набоков, напр.:

– *Уйдем, уйдем*, – забормотал он, не отпуская ее локтя.

– *Клянусь Богом, мы должны вернуться!* – рыдающим голосом произнес Кук. – *Клянусь Богом, мы пропадем в этих топях, у меня дома семь дочерей и собака. Вернемся, мы знаем дорогу назад.*

– *Назад, назад*, – повторял он. – *Вы достаточно наловили мух. Вернемся!*

Косвенная реализация просьбы в произведениях В. Набокова может быть вежливой и невежливой.

Косвенные просьбы у В. Набокова находятся в зоне этикета в речи положительных персонажей. У отрицательных они, несмотря на косвенность, – довольно часто располагаются в зоне «диссонанса».

Сравним две косвенные реализации просьбы в произведениях В. Набокова «Защита Лужина» и «Машенька»:

Лужин к ней подошел и хмуро, с виноватой усмешечкой, сказал что-то длинное и несурзное. Она с удивлением поняла, что он просит ее уйти.

Я рад, я очень рад постфактум, – умоляющим тоном пояснил Лужин, но пока... пока это как-то мешательно. («Защита Лужина»)

– *Вот что, Глеб Львович, – без обиняков начал Алферов, круговым взглядом обводя комнату, – вы когда думаете съехать?*

Ганин с раздражением посмотрел на него:

– *Меня зовут Лев. Постарайтесь запомнить.*

– *Ведь к субботе съедете?* – спросил Алферов и мысленно сообразил: – *Постель нужно будет иначе. Шкап от проходной двери отставить.*

– *Да, съеду*, – ответил Ганин и опять как тогда за обедом почувствовал острую неловкость.

– *Ну вот и отлично, – возбужденно подхватил Алферов. – Простите за беспокойство, Глеб Львович.*

– *Дурак... – пробормотал Ганин. – К черту его.* («Машенька»)

Просьба *уйти* (*уехать*) является неблагоприятным для адресата речевым действием, интерпретируется как отказ от общения.

Обе просьбы в приведенных эпизодах имеют косвенную форму реализации, но в первом случае говорящему (Лужину) удается сохранить хорошие отношения с невестой, а во втором случае Алферов формулирует просьбу так, что объект отказа (Ганин) испытывает чувство обиды.

С целью смягчить травмирующее действие речевого акта Лужин прибегает к косвенной этикетной реализации просьбы. Отказ содержит аргументацию, что смягчает речевой акт. В него включается заверение коммуниканта, что впоследствии, в другое время, общение будет приятно. Формой смягчения речевого акта отказа является и выражение сожаления говорящим с помощью невербальных средств коммуникации (*хмуро, с виноватой усмешечкой сказал*). Лексико-грамматическими показателями смягчения являются лексический повтор *рад, очень рад*, наречие меры и степени *очень*; наречие *пока* в значении 'в течение некоторого времени' и местоименное наречие *как-то* в значении 'в некоторой степени, несколько' (семантика неполноты).

Во втором эпизоде Алферов не прибегает к этикетным формулам для смягчения отказа, не объясняет его причин, а вместо сожаления выражает радость от отъезда Ганина (*Ну вот и отлично*).

Большую роль в реализации отказа в обоих эпизодах играют интонация и невербальные компоненты коммуникации, отраженные в авторских ремарках, ср.: *хмуро, с виноватой усмешечкой сказал Лужин; виноватым тоном пояснил Лужин; без обиняков начал Алферов, круговым взглядом обводя комнату; возбужденно подхватил Алферов*.

Во втором эпизоде не прямой речевой акт выражения просьбы не возвращает общение в зону этикета, как и запоздалое извинение, приносимое Алферовым собеседнику. Цель общения не достигается, реплики говорящего приводят его к коммуникативной неудаче, о чем прямо свидетельствует реакция Ганина.

В прагмалингвистической теории вежливости П. Брауна и С.К. Левинсона противопоставляются негативная и позитивная вежливость. Первая направлена на сохранение дистанции между коммуникантами (официальный, церемонный этикет), вторая, напротив, ведет к сокращению дистанции и преодолению отчуждения между говорящим и собеседником (бытовой, приятельский этикет). В конкретных коммуникативных ситуациях говорящий, желающий быть вежливым, как правило, балансирует между этими двумя линиями этикетного поведения, избирая оптимальную дистанцию между собой и собеседником. Этот выбор определяется различными факторами: степенью знакомства с собеседником, его социальным статусом, степенью официальности ситуации общения и другими.

В рамках церемонного этикета допускается только косвенное побуждение к действию, не прямое выражение собственной потребности говорящим. Бытовой этикет допускает прямую манифестацию чувств. Более того, в рамках семейного, супружеского и родительского этикета как вариантов позитивного, на наш взгляд, прямые заявления о своих потребностях, если они сформулированы в соответствии с принципами вежливости, в ряде слу-

чаев являются маркерами доверительности, близости отношений между коммуникантами. Напротив, косвенность там, где допустима и оправдана прямота, может расцениваться как следствие отчужденности.

Легко заметить, что положительные герои Набокова предпочитают дистанцированный церемонный этикет по отношению к своим собеседникам (Ганин, Лужин, Мартын). Так, Лужина только по отношению к супругу выбирает сближающий вариант этикета, по отношению к остальным коммуникантам – дистанцирующий. Именно средства непрямого воздействия для них являются предпочтительными, что объясняется, с одной стороны, стремлением к повышенной этикетизации общения, с другой, отчужденностью между этими героями и окружающим миром, независимо от социального статуса собеседников и степени официальности обстановки. Так, средствами коммуникации Набоков дает характеристику творческой личности, героя-одиночки, “несовместимого ни с кем и ни с чем”.

У Ганина в “Машеньке” косвенная просьба заметно преобладает, однако к прямой он также в некоторых случаях обращается.

– *Да поедem туда завтра вместе, Антон Сергеевич. У меня времени вдоволь* (диада сообщение – просьба).

– *Не пора ли вам ложиться, дорогой Алексей Иванович? – отчетливо сказал Ганин...* (вопрос – просьба, где косвенная просьба формулируется в виде риторического вопроса).

– *Вы вот поете, а мне это мешает спать* (сообщение – просьба).

Прямую просьбу Ганин использует всего в двух случаях.

1. В ситуации отхода от своей традиционной “уклончивой вежливости” на прощальном вечере в берлинском пансионе, ср.:

– *Лейте, не жалейте, Колин, – сказал он, подходя к столу. – Вот Алферову пополние. Завтра жизнь меняется. Завтра меня здесь не будет. Ну-ко-ся, залпом. Не смотрите на меня, Клара, как раненая лань. Плесните ей ликеру. Антон Сергееч, вы тоже – веселее; нечего паспорт поминать. Другой будет, еще лучше старого. Скажите нам стихи, что ли.*

В этом эпизоде Ганин впервые сокращает дистанцию между собой и собеседниками и демонстрирует «приятельскую», позитивную тенденцию этикетного поведения.

2. В экстренной ситуации, в которой «косвенность» является неуместной: помогая во время приступа болезни поэту Антону Сергеевичу Подтягину, ср.:

– *Пейте и молчите, – обернулся к нему Ганин и быстро подошел к Подтягину. – Обопритесь на меня, Антон Сергеевич.*

– *Не вертитесь зря, Горноцветов, – спокойно говорил Ганин. – Держите его голову, Колин, – вот здесь, подоприте... Да не глазейте на меня. Повыше, говорю вам. Откройте дверь, Клара.*

Интересным и нетипичным для положительных персонажей В. Набокова является речевое поведение Цинцинната Ц. в романе-антиутопии «Приглашение на казнь». Если речь «собеседников» Цинцинната, тюремщиков Родрига Ивановича и месье Пьера, представляет собой непрямую коммуникацию гипертрофированного типа, то речевое поведение Цинцинната Набоков изображает с применением антитезы и вводит в него много прямых речевых реализаций интенций, в частности, интенции просьбы. Использование персонажем прямых речевых актов в данном случае ситуативно обусловлено (заключенный в тюрьме находится в ожидании казни) и детерминировано его психологическими особенностями. В то же время прямая коммуникация Цинцинната – действенное стилистическое средство изображения отчаяния героя от «комического кошмара», в котором он пребывает, ситуации, в которой прибегание к изысканным формам вежливости, следование церемонному этикету становится невозможным.

В речи Цинцинната мы обнаруживаем около 15 случаев употребления прямой просьбы, ср.: *«Потушите!»*; *«Хорошо, дайте сюда»*; *«Постойте!»*; *«Принесите мне опять каталог»*; *«Хорошо, оставьте у меня»*; *«Принесите мне еще, я выпISHу, какие годы»*; *«Уйдите»*; *«А все-таки выведи меня туда, я тебя умоляю»*; *«Ах, не приставайте ко мне, прошу вас»*; *«Да уж скажите»*; *«Садитесь, не стойте так»*; *«Уйдите, прошу вас»*; *«Садись куда-нибудь»*; *«Ну скажи мне что-нибудь, утешь меня»*.

Напротив, этикетность, «косвенность» речи палачей выступает в такой гипертрофированной форме и используется в столь неподходящей ситуации, что переходит в свою противоположность, становясь оскорблением, ср.: *«Чудо! Красная магия! Мы вас все умоляем! Ну, сделайте милость... – Сейчас месье Пьер кое-что покажет. Просим, просим! Да не уходите вы»*; *«Книжку бы отложили, – заметил директор срывающимся голосом; – ведь у вас гость сидит»*.

Некоторое количество примеров косвенной реализации интенции просьбы находим и у Цинцинната. Однако все они однотипны, представляют собой диаду «сообщение – просьба», и в них говорящий сообщает или о своем желании попросить о совершении некоего действия адресатом, или о просьбе совершить его, ср.: *“Но я попрошу вас позвать”*, *“Я хочу вас попросить... мне нужно наедине...”*, *“Вот это письмо. Вот это письмо я вас попрошу. Тут адрес”*. Косвенность в репликах Цинцинната появляется тогда, когда просьба, с которой он обращается к адресату, представляет для него особую важность, а выполнение ее – особую ценность: встретиться наедине с супругой, передать ей его письмо. Тогда Цинциннат отходит от привычной манеры общения, вступая с палачами в диалог в соответствии с правилами официального, церемонного этикета: от прямой манифеста-

ции просьбы-мольбы переходит к косвенному, вежливому выражению собственной потребности. Впрочем, такие случаи малочисленны. Применительно к роману можно говорить о коммуникативной антитезе, в которой “прямая” коммуникация Цинцинната противопоставляется “косвенной” палачей.

Примечательно, что в данном романе В. Набокова непрякая коммуникация в целом маркирует не вежливость, как это обычно принято, а невежливость.

Таким образом, создавая речевую характеристику человека-творца, героя «иног измерения», Набоков отдает предпочтение непрякой коммуникации, которая становится показателем вежливости, но и отстраненности, а также избирает церемонный, официальный, негативный вариант этикета в речевом поведении персонажа по отношению к коммуникантам.

Языковыми особенностями, мотивируемыми стремлением к увеличению дистанции между говорящим и адресатом при косвенной реализации интенции просьбы, являются (1) употребление сослагательного наклонения вместо изъявительного в предикации с глаголом *хотеть*, а также в значении императива, (2) формы с глаголом первого лица множественного числа как конвенциональные средства непрякой воздеия, (3) риторический вопрос, используемый для выражения просьбы, (4) сообщение, констатация, применяемая для выражения просьбы.

Литература

1. Демьньтьев, В. В. Непрякая коммуникация / В. В. Демьньтьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
2. Кобозева, И. М. Значение модальных предикатов долженствования в русском языке / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Russistik. – 1991. – № 1. – С. 68–76.
3. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянкова ; ред. Б. Ю. Городецкий. – М. : Прогресс, 1986. – С. 195–223.